

ЭНН ЭРНИТС (Сяревере)

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО 'ОДИН' В РАЗНЫХ СЕМЬЯХ ЯЗЫКОВ *

1. О происхождении имен числительных отдельных языков и языковых групп написано много более или менее значительных трудов. При сопоставлении данных по числительным разных языковых семей выясняется, что возникновение и развитие этой грамматической категории происходит по закономерностям, присущим многим родственным и неродственным языкам.

А. Тромбетти, чтобы доказать моногенез языков, проанализировал и связал между собой числительные едва ли не всех языковых групп мира.¹ Сторонники учения Н. Я. Марра, произвольно оперировавшие данными разных языков, придавали изучению числительных большое значение.² Гипотеза о родстве разных семей языков интересует лингвистов и сегодня, в частности, родство так наз. ностратических языков. В соответствующих трудах отражаются генетические связи числительных 'один' (в финно-угорских и калифорнийско-пенутианских языках)³ и 'два' ~ 'второй'.⁴

С диалектической точки зрения В. З. Панфилов рассматривает развитие числа как категории абстрактного обобщенного мышления.⁵ Проблемы числительных в языках разных систем попутно затронуты в монографии К. Е. Майтинской о местоимениях.⁶

В настоящей работе мы попытаемся разрешить вопросы возникновения и развития первого числа 'один' системы счисления. Особое внимание уделим семантике этого числительного и его производных.

2.1.1. Доказано, что в некоторых финно-угорских языках числительное 'один' имеет прономинальное происхождение.

* Автор настоящей статьи выражает искреннюю благодарность доктору филологических наук В. З. Панфилову и кандидату филологических наук А. П. Феоктистову из Института языкознания АН СССР за дружескую помощь.

¹ А. Trombetti, *Elementi di glottologia*, Bologna 1923.

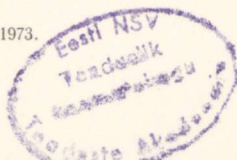
² Языковедные проблемы по числительным I, Ленинград 1927; особенно см. стр. VIII.

³ T.-R. Viitso, *Preliminary Data on the Relation of California Penutian to Uralic and Other Nostratic Languages*. — СФУ VII 1971, стр. 126.

⁴ В. М. Иллич-Свитыч, *Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский)*. — *Этимология* 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам, Москва 1967, стр. 338.

⁵ В. З. Панфилов, *Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке*. — ВЯ 1971, № 5, стр. 3—18.

⁶ К. Е. Майтинская, *Местоимения в языках разных систем*, Москва 1969.

Так, по Д. Пайжу, венг. *ëgy* восходит к корню указательного местоимения на *i-* 'этот', его первоначальное значение было 'этот вот', позднее 'первый', еще позднее в семасиологической связи с числительным 'два' возникло значение 'один'.⁷ Венг. *ëgy* 'один' с финским порядковым числительным *ensimmäinen* 'первый' (< *ente) связывал Д. Лако.⁸

По мнению К. Е. Майтинской, венг. *ëgy* 'один' развивалось так: «Указательный местоименный корень *i-/ë-* мог использоваться для указания на нечто неопределенное и превратиться непосредственно в неопределенное местоимение, а потом и в числительное *igy* > *ëgy* 'один'»⁹ (ср. 3.2.5).

Предполагают, что и хант. *eĭ* восходит к корню указательных местоимений.¹⁰ Первоначальное значение у хантыйского числительного *it* 'один' было 'этот вот'.¹¹

2.1.2. Автор настоящей статьи пытается доказать, что и финно-угорские числительные 'один', напр., фин. *yksi*, эст. *üks*, мар. *ik*, коми-зыр. *etik*, саамН *oktâ, âktâ*, удм. *odig* и др. восходят к местоимениям. Д. Лако отмечает, что проминальные основы на *e-* в финно-угорских и индоевропейских языковых группах сходны в том отношении, что от них образованы, с одной стороны, местоименные, с другой, — числовые производные¹² (см. 2.2.1 и 2.2.2).

Формы числительного 'один', выступающие в финно-угорских языках, условно можно разбить по грамматическому строю по крайней мере на два исторических типа, которые более отчетливо отражают их первоначальный структурный состав:

- 1) тип *ekte (фин. *yksi* < *ükte, удм. *odig* < *og-t-ik и др.);
- 2) тип *enće (> *eñće > венг. *ëgy*).

Венг. *ëgy* 'один' от первого типа изолировал уже Й. Синней.¹³ Хант. *it* и манс. *ääkwa* 'один' В. И. Лыткиным (КЭСК, стр. 212) объединены с другими числительными первого типа под вопросом. Б. А. Серебренников все же возводит *it* к форме *ipt*.¹⁴ По Д. Лако, числительная функция *it* вряд ли существовала в прахантыйский период¹⁵, поэтому можно предположить, что *it* 'один' прямой связи с типом *ekte не имеет, а сходство — лишь благодаря *e-/i-*овому местоименному корню.

По данным большинства исследователей, первоначальной формой фин. *yksi*, удм. *og, odig*, коми *eti(k)* 'один' и др. в финно-угорском праязыке было *ükte.¹⁶ Лишь в некоторых источниках сказано, что в финно-угорском языке-основе могли существовать архетипы **ek-t*¹⁷ или **ekte*¹⁸.

⁷ D. Pais, Zur Frage der Angehörigen der finnisch-ugrischen Demonstrativpronomina *u ~ *o und *i ~ *e. — ALHung. VIII 1958, стр. 159—172.

⁸ Gy. Lakó, Ungari *egy* 'üks' ja soome *ensimmäinen* 'esimene' arvsõnade etimoloogilisest seosest. — Nonaginta. Johannes Voldemar Veski 90. sünnipäevaks 27. juunil 1963, Tallinn 1963 (Eesti NSV TA Emakeele Seltsi Toimetised 6), стр. 184—188.

⁹ К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 236.

¹⁰ Там же.

¹¹ Gy. Lakó, указ. раб., стр. 187.

¹² Там же, стр. 188.

¹³ J. Szinyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig 1910, стр. 108.

¹⁴ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 215; его же, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, стр. 107.

¹⁵ Gy. Lakó, указ. раб., стр. 187.

¹⁶ B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm 1960, стр. 415.

¹⁷ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, стр. 218.

¹⁸ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Пошкар-Ола 1964, стр. 101.

Нельзя не учитывать мнение Э. Итконена о том, что превращение доперм. *ï в открытый гласный является спорадическим, ибо обычно доперм. *ï переходит в праперм. *i.¹⁹ Он констатирует также, что де-лабиализация домар. *ï в марийском числительном *i-ktə(t)*, *i-ktǎ(t)* 'один' остается загадочной.²⁰

Впрочем, и коми *eni* 'теперь' ~ хант *in* 'только что, вот сейчас', образовавшиеся от корня *e-* указательного местоимения (ср. КЭСК, стр. 212), указывают на фонетический процесс *e > коми *e* (ср. *eti* 'один'), хант. *i* (ср. *it* 'один').

Учитывая упомянутое, в данной работе оперируем с приблизительной праформой *ekte.

Подобно числительному 'один' в индоевропейских языках и типу *enće в финно-угорских языках, состоявших по крайней мере из двух элементов, предполагаем, что и финно-угорское числительное типа *ekte имеет несколько составных частей.

Для наглядности в таблице сопоставим основы финно-угорских и индоевропейских числительных, поместив кажущиеся сходными элементы в один столбец.

Семья языков	Тип числительного	Гласные	-n(o)-	-ц(o)-	-q(o)- ~ -k-
Индоевропейская	* <i>ci-no-</i> * <i>oi-цo-qo-</i>	+	+	+	+
Финно-угорская	* <i>enće</i> * <i>ekte</i>	+	+		+

Отметим, что соответствующие индоевропейские и финно-угорские числительные не имеют генетического родства, а сходны лишь их элементы (во временном отношении -*q(o)-* и -*k-* не сопоставляются) и их развитие.

Первый элемент числительного типа *ekte можно сопоставить с финно-угорским корнем *š-* (*e* ~ *ε* ~ *i-*) указательного местоимения, который выступает, например, в следующих словах: фин. *että* 'чтобы', лив. *jegà* (< *ekä) 'каждый', хант. *it* 'этот', эрз. *ele* 'этот, тот' и др.²¹

Как это выявляется по данным изучения волжских языков, местоимения с корнем *e-/i-* первоначально могли указывать на сферу говорящего²² (ср. 2.2.1).

*k-*овый компонент числительного 'один' типа *ekte можно сравнить с *k-*овым формантом, обозначающим место, напр.: тип *tä-kä-lä*, *si-kä-lä* с прономинальной основой распространяется даже в самодийских языках.²³ Д. В. Бубрих отмечает, что в финно-угорском праязыке было много суффиксов, обозначающих место и имевших собирательное значение. По значению относительно близки суффиксы -*n-* и -*k-*, причем по-

¹⁹ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschermisssischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1954, стр. 291.

²⁰ Там же, стр. 218.

²¹ К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, Москва 1964, стр. 25.

²² Там же, стр. 26.

²³ P. Alvre, Adverbide eesti taga — samojeedi *taka-pronominaalsest päritolust. — ESA VIII 1962, стр. 151.

следний «первоначально имел довольно широкий диапазон местных значений». ²⁴

Последняя составная часть *-te* числительного 'один' типа **ekte* имеет прономинальное происхождение и, по Б. А. Серебренникову, выражает какие-то особенности в связи со счислением пар. ²⁵

Сравнивая оба типа финно-угорского числительного 'один', видим, что они состоят из

- 1) *e-/i-* прономинального корня (также и в индоевропейских языках (ср. 2.2.1, 2.2.2), где при типе **ekte* позже произошла лабиализация);
- 2) *n*-ового и *k*-ового формантов, первоначально обозначавших место;
- 3) прономинального наращения *te*.

Так как все элементы обоих типов числительного 'один' и фонетически (*e-*, *-te*) и семантически (*k* ~ *n*) идентичны, можно логически утверждать, что они имеют общее, т. е. местоименное происхождение.

Если учитывать энецкое местоимение *eko* 'это вот', то уже в период уральского праязыка **ek* существовало и не позднее эпохи финно-угорского языка-основы превратилось в числительное.

2.2.1. В индоевропейских языках числительные 'один', например, лат. *ūnus* (< др.-лат. *oinos*), др.-ирл. *ōen*, гот. *ains*, прус. *ainan* (асс. sing.), *ains*, литов. *vienas*, латыш. *viens*, греч. *οὐνὴ* 'одно очко (в игре в кости)' и др., имеют архетип **oinos/einos*, который возводится к местоимениям и мог иметь значение 'сам, один'. ²⁶ О происхождении компонента *-inъ* в праславянской форме **edinъ* нет единого мнения. ²⁷

Элемент **oi-/ei-* представляет собой чередующийся вариант прономинальной основы на **e-/i-* ²⁸, **ei-/i-* ²⁹, по В. Пизани, чередуются **e-/o-* и **i-/ei-*. ³⁰ Согласно другому объяснению, **ei-* ~ **oi-* представляет собой локатив от местоименного корня **e-/o-*. ³¹

Сращение **-no-* в числительном 'один' имеет также прономинальное происхождение, так, лат. *ū-nus* 'один' и др. связываются с др.-инд. *e-na* 'он', арм. *ain* 'тот' и *-in* 'тот же самый'. ³²

По А. Мейе, местоименные корни **e-/i-* в индоевропейском праязыке указывали на близкое расстояние от говорящего. ³³ Указательные местоимения на **n-* имели *Jener-deixis*. ³⁴

К. Бругманн отметил, что энергичное указание на один определенный предмет (*gerade der*) служит у числительного 'один' для дифферен-

²⁴ Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград 1955, стр. 89, 19.

²⁵ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, стр. 215—216.

²⁶ Э. Прокош, Сравнительная грамматика германских языков, Москва 1957, стр. 312; В. П. Мажюлис, Индоевропейская система числительных. — ВЯ 1956, № 4, стр. 54; см. также примечание 36.

²⁷ См., напр. М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка II, Москва 1967, стр. 134—135; его же, т. 3, 1971, стр. 122.

²⁸ J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern 1951—1959, стр. 286.

²⁹ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка I, Москва—Ленинград 1958, стр. 558.

³⁰ V. Pisani, Glottologia indoeuropea. Seconda edizione, Torino 1949, стр. 139.

³¹ К. Вругманн, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Berlin—Leipzig 1922, стр. 401.

³² К. Вругманн, Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Straßburg 1897, стр. 332, 336; М. Фасмер, указ. раб., т. 3, стр. 122.

³³ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, Москва—Ленинград 1938, стр. 333; см. также К. Вругманн, Grundriß ..., стр. 333.

³⁴ К. Вругманн, Grundriß ..., стр. 336.

цирования одного объекта от другого.³⁵ В общеславянский период с числительным *inъ 'один' срастился префикс **ed-* 'именно только', имеющий также *e*-проминальное происхождение³⁶ и подчеркивающий в предыдущем названную функцию.

2.2.2. В индоиранской группе языков числительное 'один' восходит к этому же местоименному корню на **ei-* ~ **oi-*, но к нему же присоединились другие наращения, а именно: **-uo-* и **-go-*.

Авест. *aēva*, др.-перс. *aiva-*, согд. *ēw ~ *iw*, осет. *iw* ~ *ew*, афг. *yaŋ* ~ *yo* развивались от общеиранской формы *aiva, которая восходит к индоевропейскому *oi-uo-s.³⁷ Элемент **-uo-* (у А. Мейе *-w-*) является корнем указательного местоимения, указывающим на удаленный от говорящего объект.³⁸ Итак, в этом отношении он идентичен с наращением числительного 'один' другого типа.

Др.-инд. *ēkas* и санскр. *ēkas* происходят от того же корня **ei-* ~ **oi-*³⁹ с архетипом *oi-go-s. Перс. *yak* имеет праформу **aivaka*⁴⁰; следовательно, она содержит оба суффикса (<*oi-uo-go-s).

Числительное 'один' на *-ka* встречается в литературных памятниках начиная с среднеперсидской языковой эпохи (т. е. с IV—III столетия до н. э. — VIII—IX столетия н. э.) наряду с формой без *-ka*. Кстати, последняя выступает и в настоящее время в отдельных диалектах, ср., напр., перс. лит. *yak* и диал. *yaŋ* 'один'. Напротив, в древнеиндийских текстах, сравниваемых по древности с авестийским (древнеперсидским) языком, число 'один' имеет частицу *-ka*, напр.: *ēka evāgnir bahudhā sāmiddha* '[существует] только один Агни, зажженный много раз'⁴¹, при этом форма без *-ka* не имеет числовой функции, напр.: *ēvā evām* 'so; so und nicht anders; just so; nur; bloß'.⁴² Следовательно, в индоиранских языках прибавление элемента *-ka* к числительному 'один' произошло в разных родственных языках и диалектах неодинаково и раздельно, но все-таки по единой схеме развития.

Названная частица *-ka*, вероятно, сопоставляется с др.-инд. *kaṃ*, др.-перс. *kā* (частицы обобщения, 'да, конечно'), русской усилительной частицей *-ка* (*-ко*) ~ *-ки*, напр. *мне-ка*⁴³, имея таким образом аналогичную функцию с префиксом **ed-* 'именно, только' славянского числительного 'один' (см. также 3.2.5).

2.3.1. В алтайских языках можно также предполагать у числительного 'один' местоименное происхождение, но не с такой уверенностью, как в уже рассмотренных языках.

В тюркских языках числительное 'один' (чув. *pəre*, узб., туркм., кирг. и др. *bir*, якут. *bīr* и др.) Г. И. Рамstedт связывал с монгольским место-

³⁵ К. Вгугманн, Grundriß..., стр. 7.

³⁶ Там же, стр. 327; М. Фасмер, указ. раб., т. 3, стр. 122; см. также Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка, Москва 1971, стр. 138. Однако не исключена возможность, что *edinъ возникло от наречия *e-dhi с местным значением (напр.: др.-инд. *á-dhi* 'ап, auf'); об этом см. К. Вгугманн, Kurze vergleichende Grammatik..., стр. 364, 454.

³⁷ В. И. Абаев, указ. раб., стр. 557—558; К. Вгугманн, Grundriß..., стр. 7.

³⁸ А. Мейе, указ. раб., стр. 333.

³⁹ В. П. Мажюлис, указ. раб., стр. 54.

⁴⁰ В. И. Абаев, указ. раб., стр. 558.

⁴¹ Б. А. Огибенин, Структура мифологических текстов «Ригведы», Москва 1968, стр. 32—33.

⁴² К. Вгугманн, Grundriß..., стр. 7.

⁴³ См. А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка I, Москва 1959, стр. 278; М. Фасмер, указ. раб., т. 2, стр. 147.

имением *büri* 'всё, все, каждый'; с этой этимологией согласен В. Г. Егоров.⁴⁴

В другом месте В. Г. Егоров цитирует А. Н. Самойловича, по которому тюрк. *bir* 'один' имеет общее происхождение с числительными 'пять' и 'десять' и сопоставляется со словом *bilek* 'нижняя часть руки'.⁴⁵ По этому рассуждению, первобытный тюрк обозначал одним и тем же словом три единства: «простое (простую единицу), другое единство — подразумевавшее число пальцев одной руки и, наконец, третье, относившееся к числу пальцев на двух руках».⁴⁶

По нашему мнению, данные гипотезы несостоятельны (критику см. 3.3.5).

Тюркское числительное 'один' имеет, по А. М. Щербаку, праформу *pir.⁴⁷ Он считает, что у чув. *päre* 'один' конечный *-e* вторичного происхождения, и отмечает, что чувашские слова, бывшие раньше односложными, имеют редуцированные ауслатные гласные, кроме *päre*.⁴⁸ Поэтому надо полагать, что это числительное уже первоначально было двухсложным, на что указывает, возможно, тув. *birē* 'один' (наряду с *bir*), и таким образом, не сочетается с другими исконными односложными словами.

Можно допустить, что пратюркское числительное 'один' имело приблизительную форму *pirä, так как в непервом слове чувашских слов гласный *e* обычно восходит к *a ~ *ä (напр., *tüle-* 'платить' < **tölä-*, *ürke* 'легкие' < *ürkä, *çetre-* 'дрожать' < **titrä-* и т. д.).⁴⁹

Тюркскому праязыку были присущи односложные слова, поэтому можно предположить, учитывая и данные других языков, что числительное *pirä 'один' представляет собой сложение **pi-* и **-rä*.

В современных тюркских языках есть местоимения с праформой *pū 'этот' или **pō*⁵⁰, напр., уйг., узб. *bu*, тув. *bo* 'этот'. В киргизском языке наряду с *bul* ~ *bu* 'этот' налицо и переднегласный вариант *beregi* ~ *bereki* 'вот этот'⁵¹, который, кстати, по своему значению похож на первоначальное значение числительного 'один' в разных языках (ср., напр., 2.1.1, 2.1.2). Известно, что личные местоимения в разных языковых семьях происходят от указательных.⁵² Тюркские личные местоимения также имеют передние гласные, как это видно из праформ *pän (*pān ?) 'я' и *pis (*pīs ?) 'мы'.⁵³ Итак, несомненно, что когда-то существовало в алтайских языках местоимение на *pš (т. е. с передним гласным).

В енисейско-орхонских надписях и древнеуйгурском языке имелся падеж на *-ra* ~ *-rä*, указывавший, вероятно, на направление в пространстве к относительно близким предметам, напр., др.-уйг. *yüräkrä* 'в сердце', *asra* 'внизу', *soŋra* 'потом' и др.⁵⁴

⁴⁴ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, Москва 1957, стр. 65; В. Г. Егоров, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1964, стр. 157.

⁴⁵ Там же, стр. 160.

⁴⁶ А. Н. Самойлович, Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования. — Языковедные проблемы по числительным, Ленинград 1927, стр. 146.

⁴⁷ А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Ленинград 1970, стр. 195.

⁴⁸ Там же, стр. 130, 132.

⁴⁹ Примеры там же, стр. 155, 164; по В. Бангу, праформа имела вид *birä 'один' (см. А. Самойлович, указ. раб., стр. 147).

⁵⁰ А. М. Щербак, указ. раб., стр. 196.

⁵¹ Языки народов СССР II. Тюркские языки, Москва 1966, стр. 493.

⁵² К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 196—197, 200.

⁵³ А. М. Щербак, указ. раб., стр. 195—196.

⁵⁴ Э. В. Севортян, Категория падежа. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков II. Морфология, Москва 1956, стр. 58—60.

Сопоставлять с этим формантом элемент **-rā* числительного 'один' нужно очень осторожно. Существует гипотеза о происхождении индоевропейских и уральских падежных окончаний от указательных местоимений.⁵⁵ Подобного предположения в отношении алтайских языков не делалось, но учитывая материал, в том числе и по ностратическим языкам, представляется, что оно не совсем несостоятельно.⁵⁶ Во всяком случае, падежный формант **-rā* возник из какого-то слова с пространственным значением.

Резюмируя сказанное о тюркском числительном 'один', можно предположить, что оно состоит, как и в индоевропейских и финно-угорских языках, из двух частей:

1) местоимения **pī*, указывающего на близкое расстояние от говорящего;

2) сращения **rā*, имеющего, может быть, местное значение.

2.3.2. Мы находим возможным прономинальное происхождение монгольского числительного 'один'.

Г. И. Рамstedт это числительное (монг. *nigen* ~ *niken*, бур. *negen*, калм. *negn*) связывает со словом *nei* ~ *neji* 'единство, единодушие', которое, однако, представляет собой окаменелую основу слов *nejile-* 'объединяться', *nejite* 'всего, итога' и др.; на самом же деле числительное 'один' и *neji-* могут иметь разное происхождение, и сам Г. И. Рамstedт заметил, что разный вокализм *i* ~ *ei* данных форм при сопоставлении вызывает затруднения⁵⁷ (ср. также *nai-r-al* 'единение, согласие').

Н. Н. Поппе пытался доказать, что из праформы **ni-* возникли *nigen* 'один' и *ni-d-ke* 'сучить, скручивать'.⁵⁸ В итоге это значит, что числительное 'один' является производным от понятия 'единство' (о критике подобных подходов см. 3.3.5).

Например, в бурятском указательном местоимении *ene* 'этот' *e-* является древним корнем алтайского указательного местоимения и *-ne* — местоименным суффиксом, ср. подобное *e-*овое местоимение *e-r* 'этот' в эвенкийском языке. Местоименные суффиксы восходят обычно к местоимениям.⁵⁹ Так, можно предположить, что в праязыке существовало когда-то теперь не выступающее местоимение **ne* ~ *ni* (к тому же, может быть, и тюркское вопросительное местоимение **nā* 'что'), которое могло дать начало и числительному 'один'.

В. З. Панфилов сопоставил корни монгольского числительного **ñi* 'один' и нивхского **ñi* с тем же значением.⁶⁰ Это сближение говорит в пользу того, что монгольское числительное 'один' имеет прономинальную основу, как и в этом палеоазиатском языке (см. 2.4).

2.4. В генетически неродственных палеоазиатских языках прономинальное происхождение числительного *ñi* 'один' доказано в нивхском языке, где именно В. З. Панфилов связывал его с местоимением *ñi* 'я'.⁶¹

⁵⁵ К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 134—139.

⁵⁶ См. В. М. Иллич-Свитыч, Соответствие смычных в ностратических языках. — Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов, Москва 1968, стр. 328.

⁵⁷ Г. И. Рамstedт, указ. раб., стр. 65, 231; см. также Н. Н. Поппе, Монгольские числительные. — Языковедные проблемы по числительным, Ленинград 1927, стр. 103; По сообщению В. З. Панфилова, сомнение вызывает и чередование *i* ~ *g*, ср. упомянутое *neji-* и бур. *nege-de-* (< 'один') 'объединяться'.

⁵⁸ Н. Н. Поппе, указ. раб., стр. 104.

⁵⁹ К. Е. Майтинская, Местоимения в мордовских и марийских языках, стр. 99—100; ее же, Местоимения в языках разных систем, стр. 112—113.

⁶⁰ В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи, Москва—Ленинград 1962, стр. 204, 213—214.

⁶¹ Там же, стр. 204—205, 236, 238.

К. Е. Майтинская считает: «...судя по данным типологии весьма возможно, что личное местоимение *n'i* и числительное *n'i* восходят к общему источнику — к указательной частице, имевшей также и неопределенное значение...»⁶² (ср. 3.2.5).

Кажется, что корякское *ənnən* < *t-nən 'один' и др. происходят от местоименного корня *t-* (ср. *ənnin* < *t-nin 'этот', *əppo* < *t-no 'он', *əčči* < *t-ji 'они' (дв. ч.), *əčču* < *t-ju 'они' (мн. ч.), причем *-ji* и *-ju* являются суффиксами соответственно двойственного и множественного числа.⁶³

2.5. Числительное 'один' связано с местоимениями еще в нескольких случаях.

Э. Феттвейс в своем труде о счете у так наз. первобытных народов ссылается на исследования, где это числительное сопоставляется с местоимениями или им подобными словами, напр., в некоторых африканских языках со значением 'все' (ср. 3.3.5).⁶⁴

В. З. Панфилов показал возможность связать числительное 'один' и личное местоимение 'я' в качинском языке.⁶⁵

2.6.1. В предыдущих разделах рассмотрено числительное 'один', более или менее вероятно имеющее прономинальное происхождение, однако не все числительные 'один' возводятся к местоимениям.

Индоевропейские числительные, напр., греч. *εἷς*, *μία*, *ἕν*, арм. *mi*, тохарское *sete* 'один' происходят из формы **sem-* (**sm-*, **som-*) индоевропейского праязыка, которая обозначала прилагательные, семантически близкие к числительному 'один'.⁶⁶ По К. Бругманну, первоначальным значением его было 'единство' (ср. 3.3.5), однако 'один' является скорее переоформлением значения 'сам' (ср. также 2.2.1).⁶⁷

2.6.2. Маньчж. *etun*, *ети*, тунг. *utun* 'один' связаны с монг. *etün 'переднее', калм. *ötnö* 'впереди к югу' (см. 2.6.3).⁶⁸

2.6.3. Эскимосское *atasiq* ~ алеутское *attaqan* 'один' происходит, по мнению Г. А. Меновщикова, из слова, первоначально имевшего значение 'главный, ведущий, начальный'; автор правильно связывает это со счетом на пальцах.⁶⁹

В 2.6.2 описанный пример аналогичен.

2.6.4. Шумерское *aš*, *ušu* 'один' сопоставляют с понятиями 'мужчина' или 'человек', подобные примеры приводит и Э. Ф. Феттвейс.⁷⁰

Происхождение числительного 'один' во многих языках (2.4, 2.5, 2.6.1 и 2.6.4) из понятия 'человек' ('мужчина', 'я', 'сам' и др.) объясняется тем, что названное числительное развивалось в тесной связи с процессом выделения человека из окружающей среды (осознанием им своего собственного 'я').⁷¹

⁶² К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 209.

⁶³ На эту мысль навел автора Т.-Р. Вийтсо; ср. А. Н. Жукова, Грамматика корякского языка, Ленинград 1972, стр. 173, 184; Языки народов СССР V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, Ленинград 1968, стр. 279, 280.

⁶⁴ E. Fettweis, Das Rechnen der Naturvölker, Leipzig—Berlin 1927, стр. 59.

⁶⁵ В. З. Панфилов, Категории мышления и языка, стр. 9.

⁶⁶ А. Мейе, указ. раб., стр. 177, 409.

⁶⁷ Там же, стр. 177; К. Вругманн, Grundriß..., стр. 7.

⁶⁸ Г. И. Рамстедт, указ. раб., стр. 65; ср. J. Szinnyei, указ. раб., стр. 108, где *etun* и др. сопоставляются с фин. *ensi* 'первый'.

⁶⁹ Г. А. Меновщиков, Из истории образования числительных в эскимосском языке. — ВЯ 1956, № 4, стр. 62, 70; его же, Грамматика языка азиатских эскимосов I. Фонетика и морфология именных частей речи, Москва—Ленинград 1962, стр. 285.

⁷⁰ А. П. Рифтин, Система шумерских числительных. — Языковедные проблемы по числительным, Ленинград 1927, стр. 183; E. Fettweis, указ. раб., стр. 58—59.

⁷¹ В. З. Панфилов, Категории мышления и языка, стр. 9.

3.1. Теперь рассмотрим функции числительного 'один' и некоторых производных его, так как это способствует выявлению первоначальных значений этого слова.

Числительное 'один' имеет разные функции, напр., франц. *un* ~ *une*, нем. *ein* ~ *eine* и др. употребляются в качестве неопределенного артикля, числительного и местоимения.⁷² Отмечается, что древнерусские числительные грамматически сходны с местоимениями и, кроме того, современное рус. *один* «обладает рядом свойств, сближающих его с местоимениями-прилагательными. Его, в сущности, нельзя считать числительным». ⁷³ Это естественно, так как индоевропейское числительное 'один' происходит от местоимений. Даже в вымершем хеттском языке оно склонялось по типу местоимений.⁷⁴

По толковому словарю русского языка *один* имеет свыше десяти значений⁷⁵, из которых в дополненном, систематизированном виде приведем интересующие нас, ибо они существуют в разных языках мира.

Числительное 'один' обладает по крайней мере двумя парами противоположных значений:

1) по определенности — неопределенности: а) значение указательного местоимения 'именно этот, такой'; б) значение неопределенного местоимения 'какой-то, некий';

2) по единичности — совокупности: а) значение единичности; б) значение совокупности или единства.

Действительно, противоположность последней пары в некоторой мере мнима, так как совокупность (единство) представляет собой понятие новой единичности, новой единицы, но уже в расширенном виде.

3.2.1. Понятие неопределенности имеется у обоих типов финно-угорского числительного 'один', напр., удм. *ogkin* 'кто-то' < *og* 'один' + *kin* 'кто', венг. *egyetmást* 'кое-что' (вин. пад.) < *egy* 'один', вод. *ihsi* имеет значение 'один' и 'кто-то',⁷⁶ также эст. *üks tuleb* 'кто-то придет' (букв. 'один придет').

3.2.2. В вышеизложенном (см. 3.1) мы уже указали возможность употребления числительного 'один' в индоевропейских языках в значении неопределенности.

Индоевропейское числительное 'один' типа **sem-*, происшедшее от прилагательного, сходно по функции неопределенности с числительными, возведенными к местоимениям, напр., гот. *sums* 'некий', англ. *some* 'некое', др.-инд. *samá-s* 'некто, некий' и др.⁷⁷

Так как это явление свойственно также языкам, в которых ныне **sem-* не выступает в значении 'один', можно предполагать, что это числительное, вопреки точке зрения В. П. Мажюлиса и др.,⁷⁸ является

⁷² Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, Москва 1959, стр. 248.

⁷³ Л. Б. Правдин, Историческая морфология русского языка I. Имена, Тарту 1962, стр. 75; А. Супрун, Некоторые общие явления в историческом развитии числительных в славянских языках, Фрунзе 1958, стр. 12.

⁷⁴ И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, Москва 1952, стр. 30.

⁷⁵ Толковый словарь русского языка II, Москва 1938, стр. 759—760; см. также Словарь современного русского литературного языка VIII, Москва—Ленинград 1959, стр. 674.

⁷⁶ К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 250, 254.

⁷⁷ А. Мейе, указ. раб., стр. 177; К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 255; Вопреки А. Мейе арм. *omn* 'некто' < **k^{wo}-* и *mi omn* < *mi* 'один' (см. Э. Г. Туманян, Древнеармянский язык, Москва 1971, стр. 284, 285).

⁷⁸ См. В. П. Мажюлис, указ. раб., стр. 54; Против утверждения В. П. Мажюлиса говорит и тот факт, что в этрусском языке (по новейшим данным родствен с хеттским индоевропейской семье) корень **sem-* в значении 'один' выступает в формах *eslz* 'einmal' < *sem-lis (-*ki*) и *esl-em* 'minus 1' (у числительного '19') < *sel-ém (ср. греч. *ἕν* 'один') (V. I. Georgiev, Etruskische Sprachwissenschaft II. Jungetruskische

более древним, а в более позднее время оно было из большинства индоевропейских языков вытеснено. То же подтверждают и новейшие данные по палеоазиатским языкам, согласно которым понятие 'один' развивалось раньше, чем '2'—'10'.⁷⁹

Существование нескольких архетипов числительного 'один' в одной языковой группе присуще не только индоевропейским языкам, а выступает в самых различных языковых семьях; напр., в орокском языке тунгусо-маньчжурской группы обычно употребляется числительное *gēda* ~ *gida* 'один', хотя и существует общетунгусо-маньчжурское *umuke*, но в значении 'только один' (ср. эвенк. *umün* ~ *umiken* и др.)⁸⁰ В селькупском языке самодийской группы *ukkar* ~ *okkar* 'один' считается новообразованием, ср. нен. *ḡob* ~ *ḡoroi*, нган. *ḡoi*.⁸¹ Это объясняется тем, что в праязыках были разные формы числительного 'один', которые использовались «при счете в соответствии с качественными особенностями исчисляемых предметов...», а позже какая-то система стала господствовать и вытеснять другие.⁸² Поэтому в наше время в одних языках наблюдаются одни, в других — иные формы для понятия 'один'.

3.2.3. Тюркское одностипное числительное 'один' тоже участвует в формировании неопределенных местоимений, напр., уйг. *bir ḡete* 'что-то', гагаузское *biri* 'кто-то' и др.⁸³

Надо упомянуть и употребление числительного 'один' в монгольских языках в качестве элементов неопределенных местоимений, напр., бур. *ḡen-negen* 'кто-либо' < *ḡen* 'кто' + *negen* 'один', *ḡamar-negen* 'какой-то' (букв. 'какой один').⁸⁴

3.2.4. Немаловажен и тот факт, что в нивхском языке слово *ḡin* 'один' употребляется в функции неопределенного местоимения и тем противопоставляется местоимению *ḡed* 'этот, тот'⁸⁵, будучи таким образом идентичным индоевропейским языкам по использованию артикля.

3.2.5. Возникает вопрос, что является первичным из понятий: определенность или неопределенность? Правильный выход дает возможность верно решить проблему о первоначальных функциях дочи́слительного слова и правильно реконструировать путь развития числительного 'один'.

На этот счет есть два противоположных мнения.

К. Бругманн отметил, что энергичное указание на определенный предмет (*gerade der*) служит для дифференцировки одного объекта от другого (2.2.1).⁸⁶

По мнению К. Е. Майтинской, как мы уже упоминали (2.1.1 и 2.4), неопределенность первична.⁸⁷

По нашим данным, все-таки первично у местоимений, давших начало числительному 'один', значение определенности. Предполагая первоначаль-

Inschriften, Sofia 1971, стр. 98—99). Это лишний раз свидетельствует о том, что *scm имело значение 'один' уже в индоевропейском языке-основе.

⁷⁹ В. З. Панфилов, Категории мышления и языка, стр. 9—11; его же, Взаимотношение языка и мышления, Москва 1971, стр. 37.

⁸⁰ Языки народов СССР V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, стр. 76, 179.

⁸¹ Н. М. Терещенко, К сравнительному изучению лексики самодийских языков. — СФУ VII 1971, стр. 292.

⁸² В. З. Панфилов, Категории мышления и языка, стр. 11, 18.

⁸³ К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 253.

⁸⁴ Языки народов СССР V, стр. 23.

⁸⁵ В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, стр. 193.

⁸⁶ К. Вругманн, Grundriß..., стр. 7; см. также Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, указ. раб., стр. 176.

⁸⁷ К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 209, 236.

чальность определенности указательного местоимения, легче и логичнее призвести числовое значение. Именно понятие единичности требует выделения единичных объектов из множества и противопоставления их множеству⁸⁸, для этого нужно указание на нечто определенное.

Предположению о первоначальности неопределенного местоимения противоречит и то обстоятельство, что числительное 'один' имеет эту функцию не только в тех языках, где оно прономинального происхождения, но и в тех, где есть иное начало (напр., у типа **sem-*, см. 3.2.2). Данные нивхского и качинского языков, где местоименное происхождение явно (2.4 и 2.5), тоже не противоречат понятию определенности, потому что общий источник личных и указательных местоимений обнаруживается в разных языках мира.⁸⁹

Учитывая вышеизложенное и то, что неопределенные местоимения в большинстве языков являются новообразованиями, можно считать более правдоподобной вторичность значения неопределенности у числительного 'один'.

Разные поздние приращения у числительного 'один', напр., слав. **ed-*, индоиранское *-ka* и др. (2.2.1, 2.2.2), имеют усилительную функцию. В связи с развитием неопределенности⁹⁰ выделительная функция могла ослабеть, и чтобы ее восстановить, в некоторых случаях потребовалась усилительная частица.

Первичные сравнения, напр., ф.-у. *-n-*, *-k-*, тюрк. *-rā* и др., вероятно, имели местное значение, связанное с началом счета.

3.3.1. Приступая к разрешению проблемы о функции единичности—совокупности, следует задать вопрос: для чего оно нужно? Как мы увидели, числительное 'один' в некоторых языках (алтайские и др.) возводится к словам, первоначально выражавшим единство (2.3.1, 2.3.2, 2.5 и 2.6.1).

Значение совокупности у этого числительного самостоятельно не выступает, а только в таких производных, как 'соединить', 'вместе' и некоторых других.

Приведем несколько примеров употребления его в разных системах языков.

3.3.2. В финно-угорских языках названное значение выражают, напр., такие слова, как эст. *ühendama* 'соединять' (< *üks*, основа *ühe*—'один'); фин. *yhdessä* 'вместе' представляет собой инессив от *yksi* (основа *yhde-*) 'один'; эрз. *vej-s* 'вместе' (букв. 'воедино'), *puρνavodo vejs* 'объединяйтесь', т. е. 'соединяйтесь воедино'; *vej-sē* 'вместе' (все из когда-то существовавшего *vej* 'один'); мар. *ikvereš* 'вместе' (букв. 'в одно место'), коми *õt-layn* 'вместе', *õt-laõdny* 'соединить' и др.⁹¹

3.3.3. Среди индоевропейских языков, напр., осет. *iwmae* ~ *ewmae* 'вместе' происходит от направительного падежа слова *iw* ~ *ew* 'один'; хеттское *1-etta* 'заодно, вместе' представляет собой, вероятно, форму дательного-местного падежа.⁹² Также выступают в русском языке слова *воедино* (< *един*) и *заодно* (< *одно*).

Такие же производные имеют и индоевропейские числительные 'один' типа **sem-*, напр.: гот. *samaþ* 'вместе', санскр. *sam-* 'с', др.-перс. *ham-* 'с' и др.⁹³

⁸⁸ См. В. З. Панфилов, Категории мышления и языка, стр. 6.

⁸⁹ К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 194—197, 200.

⁹⁰ Предположим, что семасиологическим и акцентуационным путями, но выявлять это не входит в задачу данной работы.

⁹¹ Б. А. Серебрянников, Историческая морфология мордовских языков, стр. 109; его же, Историческая морфология пермских языков, стр. 218.

⁹² В. И. Абаев, указ. раб., стр. 559; И. Фридрих, указ. раб., стр. 81.

⁹³ А. Мейе, указ. раб., стр. 177; В. П. Мажюлис, указ. раб., стр. 53.

3.3.4. Тюрк. *birlä* 'вместе' происходит от *bir* 'один'; монг. *nigen-ε* представляет форму числительного *nigen* ~ *niken* 'один' с суффиксом датива-локатива; маньчж. *emgi* 'коллективно, вместе с, с' восходит к *ети* 'один'.⁹⁴

3.3.5. Значит, данные формы со значением единства или совокупности — довольно новые образования. Возникновение производных такого рода выступает во многих системах языков.

Однако упомянутый путь возникновения слов со значением совокупности не является единственным. Напр., рус. *вместе* образовалось путем древнерусского сращения предлога *въ* с формой местного падежа существительного *мѣсто*.⁹⁵ Эст. *koos*, *üheskoos* 'вместе' связывается с эст. *kogu*, фин. *koko* 'величина, гряда, куча', представляя инессив от этого. Эрз. *marsa* 'с' «представляет собой форму местного падежа от *mar* 'куча' (букв. 'в куче, в совокупности'), откуда могло развиться значение 'совместно с чем-нибудь'.⁹⁶

Таким путем развивалось значение 'вместе' и от числительного 'один' в разных языках, а именно — в семасиологической связи с такими сочетаниями, как 'в одном месте', 'в одной куче' и т. д. Поэтому нет смысла производить числовое значение из понятия совокупности и единства. Изложение А. Н. Самойловича о трех единствах (см. 2.3.1) искусственно и малоубедительно.

Мышление первобытного человека в данном отношении было значительно конкретнее и он не мог создать на основе одного и того же слова такого рода многоуровневое понятие, так как выражение единства или совокупности является по данным разных языков вторичным, развившимся гораздо позже, чем числовое значение 'один'. Косвенно указывает на это и тот факт, что обобщительные местоимения по сравнению с другими категориями имеют относительно позднее происхождение.⁹⁷ Первоначально совокупность просто воспринималась на основе конкретных объектов, без абстрактного воспроизведения ее из единичных предметов.

4.0. В данной работе мы рассматривали вопросы происхождения числительного 'один' в разных языках в связи с семантикой его и производных его.

В заключение излагаем несколько общих выводов.

4.1. Во многих языках мира числительное 'один' имеет местоименное происхождение. Мы доказали, что финно-угорское числительное 'один' типа *ekte (напр., фин. *yksi*) восходит к местоимению, и выдвинули гипотезу о существовании в тюркских и монгольских языках этого числительного прономинального происхождения.

Это не исключает возможности и других путей (от прилагательных и т. п.) возникновения данного числительного.

4.2. Функция неопределенности у числительного 'один' вторична, т. е. она развилась из понятия 'один', а не наоборот. Итак, употребление этого числительного в качестве неопределенного артикля и т. д. не может быть критерием для установления его происхождения.

4.3. В числительном 'один' скрывается понятие об единстве или совокупности, что также вторично и образовалось в связи с такими сочетаниями, как 'собирать(ся) в одно место, кучу и т. д.'. Поэтому нет

⁹⁴ Л. Лигети, Алтайская теория и лексико-статистика. — ВЯ 1971, № 3, стр. 28; см. также В. Г. Егоров, указ. раб., стр. 157 (под словом *parle* 'вместе').

⁹⁵ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, указ. раб., стр. 86.

⁹⁶ Б. А. Серебрянников, Историческая морфология мордовских языков, стр. 248.

⁹⁷ К. Е. Майтинская, Местоимения в языках разных систем, стр. 287.

смысла этимологически производить из этого числа 'один'. Наоборот, понятие 'один' требует выделения единичных объектов из какого-то конкретного множества.

4.4. У числительных 'один' разных языков выступало по крайней мере три вида первоначальных значений, а именно: 1) 'человек' ('мужчина; я; сам' и пр.), 2) 'этот вот', 3) 'начальный'.

Все они указывают на самого человека (в связи с историческим процессом выделения его из окружающей среды) или на предметы (без названия их), располагающиеся на близком расстоянии от него. Второе и третье из названных значений связываются с началом счета на пальцах, камешках или прочих предметах.

4.5. В возникновении и развитии понятия 'один' выявляются общие для многих языков закономерности, обусловленные особенностями мышления первобытного человека.

Сокращения названий языков

арм. — армянский, афг. — афганский, бур. — бурятский, гот. — готский, греч. — греческий, др.-инд. — древнеиндийский, др.-ирл. — древнеирландский, др.-лат. — древнелатинский, др.-перс. — древнеперсидский, др.-уйг. — древнеуйгурский, калм. — калмыцкий, кирг. — киргизский, литов. — литовский, латыш. — латышский, маньчж. — маньчжурский, монг. — монгольский, осет. — осетинский, перс. — персидский, прус. — прусский, санскр. — санскрит, согд. — согдийский, тув. — тувинский, тунг. — тунгусский, туркм. — туркменский, узб. — узбекский, уйг. — уйгурский, якут. — якутский.

ENN ERNITS (Särevere)

ZUM URSPRUNG DES ZAHLWORTES 'EINS' IN DEN VERSCHIEDENEN SPRACHFAMILIEN

In diesem Aufsatz werden die Gesetzmäßigkeiten der Entstehung und Entwicklung der Kardinalzahl 'eins' betrachtet. Die Urbedeutungen von 'eins' ('Mann', 'dies hier', 'anfänglich' u. a.) weisen auf einen Menschen oder ihm nahe stehende Gegenstände hin. 'Dies hier' und 'anfänglich' sind mit dem Anfang der Zählung verbunden.

Finn. *yksi* 'eins', komi *etik* u. a. haben die Urform *ekte 'dies hier', die aus dem *e*-Stamm des Demonstrativpronomens und aus der den Ort bezeichnenden Partikel *k* besteht. Türk. *bir* 'eins' (<? *pirä 'dies hier') und der Bestandteil *ni-* des mongolischen *niken* 'eins' sind wahrscheinlich auch pronominalen Ursprungs.

Im Aufsatz wird im Gegensatz zur Meinung anderer Forscher behauptet, daß die in diesem Zahlwort enthaltenen Bedeutungen der Unbestimmtheit und Einheit ('zusammen') sekundär sind.

Словарь И. Карстена «Lithisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung» (Helmstedt, 1838) является пока единственным трудом, в котором отмечается этимологическое происхождение многих литовских слов. Так как изучение этимологических заимствований в литовском языке может представить особый интерес, особенно о языковых контактах в Прибалтике, автор настоящей статьи пытается дать периодизацию праймарности прокинематных слов в литовский язык.

Литва имела контакт с немецким языком еще до завоевания из земель. Как известно, у немецких купцов и миссионеров была своя база среди даугавских литовцев в XII веке. Купцы в первые десятилетия приблизили к литвам таковым образом на тех землях областей, где говорили на средне-нижнегерманском языке. Поэтому вполне вероятно, что первые нижнегерманские заимствования вошли в литовский язык уже в XII веке. В последующие века произошло массовое проникновение нижнегерманских слов в язык придаугавских, пригужавских, жемайтских

* Текст доклада прочитанного на научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. И. Эдмонда, в Риге 21 февраля 1973 г.